

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Ли Гэнь
на тему: «Культура Китая как предмет изображения в современной
русской прозе» по специальности 5.9.1 – «Русская литература и
литературы народов Российской Федерации»

В диссертации Ли Гэнь предпринимается попытка целостного исследования китайских мотивов и образов, которые в разное время и в разных интерпретациях уже осваивались русской литературой. Свое намерение «комплексно проанализировать отражения китайской культуры в современной русской прозе» автор базирует на богатом опыте российских и китайских исследований. Их подробному обзору посвящена значительная часть введения, что свидетельствует о тщательной научной проработке темы, подготовке и обоснованию новизны собственной точки зрения. В формулировке новизны работы обращает на себя внимание культурологический ракурс, необходимость которого автор видит в более детальном прояснении «подробностей традиционной культуры и мифологии Китая», поскольку именно они, с точки зрения Ли Гэнь, «формируют художественный состав «ориентальных» произведений» (дисс., с.17). С автором нельзя не согласиться: точное понимание значений культурных фактов в художественном произведении существенно влияет на смысл и эстетику образа, и пренебрегать этим ни в коем случае нельзя. Поэтому стремление Ли Гэнь к углубленному прояснению национального смысла изображаемых культурных реалий стоит только приветствовать. В этом смысле новизна диссертационного исследования не вызывает сомнений.

В то же время заявленный предмет исследования – «вековые традиции и обычаи, мифологические нарративы и фольклор, памятники древнекитайской письменности, трактаты, образцы китайской поэзии и

новеллистики, особенности религиозных и философских учений, история, эстетика, идиоматика и др.» - уже не просто предмет, а целые предметные области, каждая из которых уже сама по себе заслуживает отдельной научной проработки. Конечно, они в разной мере отразились в произведениях Ю.В. Буйды, Д.М. Липскерова, В.О. Пелевина, П.В. Крусанова, Д.А. Пригова, М.П. Шишкина. Но их частные образные решения могут быть объединены какой-либо общей идеей. И эту идею Ли Гэнь четко формулирует в 2-ом защищаемом положении: «путем привлечения мифологических и литературных сюжетов создать возможность для неомифологического повествования, где многие культурные аспекты нагружаются дополнительным символическим значением» (дисс., с.19). Таким образом, мифологические и литературные сюжеты привлекаются для выявления в них «дополнительных символических значений», которые автор диссертации обнаружила и предложила в качестве нового шага в научном исследовании российско-китайских литературных связей. С этой точки зрения, новизна диссертационного исследования более чем очевидна. Возможно, при более конкретной формулировке параграфов, где вскрываются эти «дополнительные символические значения», работа приобрела бы большую логическую и смысловую стройность. В рамках «новизны» особенно перспективным представляется пятое положение, где Ли Гэнь утверждает, что «многие фрагменты (сюжетные звенья) романов современных русских писателей были почерпнуты из китайской литературы» (дисс., с 20). Это наблюдение автор успешно раскрыла и доказала во 2-ой и 3-ей главах работы.

Что касается актуальности предпринятого исследования, то оно очевидно. И не только потому, что интенсивное сближение двух стран является весьма значительным фактом современной политической жизни. Не менее важным является углубление культурного и литературного диалога, обнаруживающего новые признаки духовной и культурной общности, которые интимизируют общение, позволяют преодолеть исторические

преграды и придают российско-китайским отношениям более тесный характер. Диссертацию Ли Гэнь следует рассматривать, как несомненный шаг в этом направлении.

Продуктивным для раскрытия темы является исследование китайских традиций в поэтической рецепции поэтов Серебряного века. Несмотря на то, что рецепция китайской экзотики со стороны модернистов отделена от современной прозы советской эпохой и имела особые эстетические задачи, ее уместность в работе представляется вполне оправданной. Прежде всего, потому что именно у модернистов начинает формироваться самостоятельный взгляд на Китай, в русском восприятии которого исчезает европейский акцент на «желтой угрозе» и возникает непосредственный контакт эстетических устремлений поэтов с содержанием и эстетикой китайских литературных источников. Интимная чуткость, глубина и поэтическая выразительность этого взаимодействия, убедительно раскрытые соискателем на поэтических примерах из Н.С.Гумилева и К.Д.Бальмонта, происходили, прежде всего, из свободной эстетической воли и непосредственного интереса к Востоку. С этой точки зрения, очень значительным представляется наблюдение Ли Гэнь о том, что в процессе культурной и поэтической рецепции Китая поэты Серебряного века существенно сблизили обе культуры и в опыте мифопоэтического освоения достигли той степени органики, которая и по сей день является образцовой для русской литературы.

Во втором параграфе I главы «Рецепция китайской культуры в литературе русского зарубежья» Ли Гэнь последовательно развивает свою концепцию, обращаясь к прозе дальневосточных русских эмигрантов А. Хейдока и Б. Юльского. Диссертантка уверенно демонстрирует глубину влияния духовных знаний Востока и Китая (карма, сансара, анимизм) на творческое сознание русских писателей. По существу, это влияние становится для русских писателей источником новой мифопоэтической образности, возникающей в синтезе непосредственно открытых друг другу русского и китайского мироощущений.

Примером такого влияния может служить анализ образного освоения китайской сказочности в произведениях Б.Юльского и В.Пелевина, у которых Ли Гэнь находит разные мифопоэтические версии образа «лисы-оборотня», почерпнутого в фантастических новеллах китайского писателя XVII века Пу Сун-лина. Здесь интересно не только воздействие китайского источника, но и сходства в его восприятии у писателей, принадлежащих к разным ветвям русской литературы. Отмеченная диссертанткой связь еще раз свидетельствует об оправданности обращения к литературному наследию Серебряного века и русской эмиграции, представители которых по-своему предвосхитили использование китайского мифологического сюжета в современной русской литературе. Фабульно-сюжетные модификации, на которые указала Ли Гэнь заслуживают самого пристального внимания и могли бы стать предметом самостоятельного исследования при изучении русско-китайских литературных связей.

Перспективным и, по-своему, новым является акцент автора работы на еще одной важнейшей особенности восприятия Китая, – на «родственном внимании», о котором, как об основе своего творческого метода, неоднократно писал М. Пришвин. Вообще, характеристики, которые дает Ли Гэнь подходам Б. Пильняка и М. Пришвина, говорят о возможности типологизировать восприятие Китая в русской литературе. Испытавшие серьезное воздействие модернисткой мифопоэтики и, каждый по-своему, применившие ее в советской литературе Б. Пильняк и М. Пришвин тоже «угадывали» в России китайские черты. У обоих китайский «лик» России основан на мифопоэтическом представлении о ее восточной судьбе, на стремлении, как эффектно пишет соискатель, «привить восток к «советскому дичку»». В то же время, Пильняк категорически не принял китайский принцип «маманди» (慢慢地), который, по мнению Ли Гэнь, он считал антицивилизационным и назвал «ядом для Китая». «Родственное внимание» М. Пришвина, напротив, - базировалось на созерцательном проникновении в мудрость китайского мировосприятия («созерцательном проникновению в

чужую природную стихию»), которое предполагало неспешное вчувствование в инокультурный материал и стремление к конгениальному сотворчеству. Таким образом, мифопоэтический синтез культур у Б. Пильняка и М. Пришвина давали качественно различные результаты. Хотелось бы спросить у соискателя, чей подход к пониманию Китая кажется ей более точным, органичным и перспективным?

Очевидно, что автора работы интересуют те области китайской жизни, в отражении которых акцентированы сущностные свойства духовной культуры Китая и предметы, являющиеся ее символами. Справедливо констатируя закономерность обращения современных писателей к мифу, Ли Гэнь объясняет ее тем, что в этом случае «текст приобретает многогранность и проецируется на другие тексты», что «апелляция к мифологии позволяет обогатить и переработать жанровый «состав» произведения, ввести в него некую фольклорную сказочность и тем самым обновить традиционное романное повествование» (дисс., с.60-61). Все это, безусловно, так: мифическое содержание делает текст объемнее, глубже, наполняет его универсальными значениями. Но соискатель почему-то избегает называть мифологические образы символами и называет их «знаками», тогда как всякий миф – есть непременно символ, ибо мифическое содержание может быть выражено только символами. В произведениях литературы собственно мифический образ-символ преобразуется в образ-символ поэтический, поскольку его создает сам писатель, работающий с мифическим источником.

Ли Гэнь права, когда пишет о закономерном обращении современных писателей к мистике. Поэтому во второй главе она от Б.Юльского вновь возвращается к «потусторонности» и мифическому феномену «оборотничества», только теперь анализирует их в произведениях Ю.Буйды и В.Пелевина. В рассказе Ю.Буйды «Китай» ее интересует «попытка косвенного изображения потусторонности нетривиальными средствами привлечения древнекитайского материала» (дисс., с.62). Интересно, что имеет в виду соискатель под «косвенным изображением потусторонности

нетривиальными средствами»? Могу ошибаться, но думается, что это условно-фантастическая образность, которая обладает способностью передать мистическую и потому реалистически невыразимую идею взаимопроникновения физического и потустороннего миров. Если это так, то Ли Гэнь абсолютно права: мистика Китая, преломившаяся в сознании героя в условно-фантастическом образе духовной родины - «Царства крылатых людей», - становится родственным мифопоэтическим пространством, куда увлекает его архетипический, а значит и мифологический мотив посмертной «крылатости». Автор работы подтверждает эту мысль: «Китай, - пишет она, - в устах Петра становится фантастической страной, наполненной крылатыми жителями» или мифическим «персиковым источником», находящимся «вне пределов людского мира» (дисс., с.65-68). В этой связи, очень своевременны и убедительны подробные сведения из китайской мифологии, которыми соискатель подтверждает свои наблюдения и выводы. И этнографический, и мифологический материал не только способствует выяснению мифологической основы русских текстов, но придают диссертации Ли Гэнь новое качество - работа становится интересной, увлекательной и познавательной.

Проводимый Ли Гэнь рецептивный анализ отчетливо свидетельствует о заимствовании в китайских источниках мотива духовной инициации, которую, так или иначе, переживают герои русских произведений. К какому бы материалу не обращались их авторы (древние мифы, даосизм, конфуцианство, буддизм и др.), практически всюду присутствует «лестница» духовного посвящения, связанного с преодолением героями прошлых зависимостей, «себя прежних». Соискатель замечательно показала, как в процессе приобщения к китайскому мирозерцанию, неизменно появляется Лувен, китайский «Вергилий», герой-мудрец или «китайский медиатор», как называет его Ли Гэнь, который возвращает, оберегает и посвящает своих русских спутников в сакральные смыслы китайского бытия. За постмодернистским фасадом «Священной книги оборотня» В.Пелевина и

«Кати Китайской» Дм.Пригова таится мистерия восхождения на новую ступень духовного развития. Деконструкция, таким образом, оказывается вовсе не концом, а только началом нового понимания жизни. Китайская мудрость спасительна для духовного здоровья героев. И в этом смысле Ли Гэнь совершенно права, когда делает вывод, что «интерес к Китаю значительно обогащает русскую литературу: тематически, философски, культурологически» (дисс., 146).

В целом, диссертационное исследование Ли Гэнь отличается широким охватом литературно-художественного материала: двенадцать совершенно разных авторов, представляющих разные культурно-исторические эпохи, новаторски объединены единой целью и научной концепцией, которая с нашей точки зрения, успешно реализована и принесла несомненные научные результаты. Представленный масштаб исследования в положительном смысле явно преодолевает рамки заявленной темы и способствует созданию еще более объемной картины восприятия китайской культуры русской литературой. Научные положения, вынесенные на защиту, обоснованы и полностью достигнуты. Диссертацию Ли Гэнь следует признать новым и научно перспективным опытом в исследовании влияний письменных памятников китайской литературы на философско-эстетическую позицию и творчество русских писателей.

Адресованные автору вопросы и замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6

Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Ли Гэнь заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Официальный оппонент:
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков
Института филологии ФГБОУ ВО
«Московский педагогический
государственный университет»
ДЕФЬЕ Олег Викторович
14.11.2022

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:
10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:
119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
Московский педагогический государственный университет, Институт
филологии
Тел.: +7 (499) 246-57-12; e-mail: ruslit20@mpgu.su.

Подпись сотрудника Московского педагогического государственного университета
проф. О.В. Дефье удостоверяю:
14.11.2022